

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАРАЧАЕВСКИХ СТУДЕНТОВ

Идиатуллов А.К.

ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», Ульяновск, Россия (432700, Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4), e-mail: rector@ulspu.ru

Карачаевцы – народ тюркской группы алтайской языковой семьи. Традиционной религией карачаевцев является суннитский ислам. Цель статьи – изучение религиозности студентов карачаевской национальности на основе анализа анкетных материалов и интервью. В государственном университете Карачаевска нами было проанкетировано 204 респондента, из них – 142 карачаевца. Большая часть карачаевцев отнесла себя к категории верующих. Автор пришёл к заключению, что карачаевские студенты обладают высоким уровнем компетенции в сфере исламской культуры. Предположено, что одной из современных тенденций в религиозной жизни Карачая является усиление позиций ислама среди молодых людей. Часть студентов не отрицают влияние душ умерших на человека, что является следствием сохранности в карачаевской среде народного ислама. Автор считает, что исламские представления весьма распространены среди карачаевской молодёжи. Статья опубликована при финансовой поддержке внутривузовского конкурса грантов в рамках реализации Программы стратегического развития университета.

Ключевые слова: карачаевцы, ислам, религиозность.

RELIGIOUSNESS OF THE KARACHAY'S STUDENTS

Idiatullov A.K.

Ulyanovsk State Pedagogical University n.a. I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (432700, Ulyanovsk, 100 years from birthday V.I. Lenin Place, 4), e-mail: rector@ulspu.ru

Karachays are the Turkic group's people of the Altai language family. Traditional religion of Karachays is Sunni Islam. The purpose of article was research of religiousness of the Karachay nationality's students. Research's bases are questionnaires and interview. At the state university of Karachayevsk 204 respondents, from them 142 Karachays were interrogated. The most part of Karachays referred itself to category of believers. The author came to conclusion that the Karachay students possess high level of competence of Islamic culture's sphere. The author considers that one of current trends in religious life of Karachay is strengthening positions of Islam among young people. Part of students don't deny influence souls of the dead on the person that is a consequence of safety national Islam in the Karachay's environment. The author considers that Islamic representations are very widespread among the Karachay' youth. Article is published with financial support of intra high school competition of grants within the program of strategic development of university.

Keywords: Karachays, Islam, religiousness.

Карачаевский городской округ – муниципальное образование в составе Карачаево-Черкесской республики. Постоянное население в г. Карачаевске – административном центре округа, по данным переписей 2002 и 2010 гг., составляет более 20 тыс. человек. Этнический состав города представлен в основном карачаевцами (72,7 %), русскими, осетинами.

Карачаевцы – один из крупнейших народов среди тюрков-мусульман России. Согласно переписи населения 2010 г. численность их составляет 0,2 млн человек. Традиционная религия карачаевцев – ислам суннитского толка ханафитского мазхаба.

Первые письменные упоминания о принятии карачаевцами ислама относятся к XVIII в. [3, с.60]. Как отмечал в XIX в. один из исследователей края, едва ли нашлись бы в то время ещё такие добрые и религиозные, но далеко не фанатичные мусульмане: религиозные

обряды исполняются карачаевцами «с большим рачением и от всей души, как старшими, так малышами» [10, с. 95].

Однако на протяжении XX в. в духовной жизни изучаемого народа происходили глобальные изменения как в результате естественно-исторических процессов, связанных с переменами в этноконфессиональной идентичности, так и под воздействием идеологического пресса, когда любые проявления религиозности сурово пресекались на всех уровнях организации общества (семья, школа). С другой стороны, исследователи отмечают, что в мировоззрении карачаевцев сохранилось ряд представлений, сложившихся в домусульманский период [11, с.272]. Все это порождает потребность в осмыслении и **актуальность** исследования современного мировоззрения карачаевцев.

Целью статьи явилось изучение религиозности студентов карачаевской национальности.

Материалом исследования послужили анкетные материалы, глубинные интервью и групповые дискуссии. В Карачаево-Черкесском государственном университете (КЧГУ) нами было проанкетировано 204 человека. Из них – 182 карачаевца и 22 представителя других этнических общностей (туркмены, чеченцы, осетины, русские, черкесы, аварцы, армяне, лакцы). Среди опрошенных карачаевцев выделяются следующие возрастные группы:

1. В возрасте до 25 включительно (143 человека).
2. В возрасте от 26 до 40 лет (24 человека).
3. В возрасте от 41 года и старше (5 человек).

Основные результаты исследования. Среди первой группы по отношению к религии респонденты распределились таким образом:

- неверующие – 3 человека (2,1 %). Одна из неверующих при этом отметила: «Горжусь тем, что мусульманка, но, думаю, особо ни на что это не влияет»;
- 1 (0,7 %) из опрошенных предложил свой вариант: «Верю в Бога, но не фанатик»;
- 8 опрошенных (5,6 %) отнесли себя к колеблющимся в религиозном отношении. Один из респондентов последней группы пояснил свой ответ следующим образом: «В моей жизни религия играет нейтральную роль. В жизни региона и народа, религия, по-моему, превратилась в фанатизм»;
- 131 (91,6 %) отнесли себя к верующим.

При этом все отмеченные категории ответили, что верят в Аллаха.

Высока среди студентов в возрасте до 25 лет доля тех, кто отмечает главные мусульманские праздники (Курбан-Байрам и Ураза-Байрам), – 100 % среди верующих мусульман. Лишь один респондент из неверующих ответил, что относится к этим праздникам безразлично. Интересно, что часть респондентов дополнительно

прокомментировала соблюдение мусульманских праздников таким образом: «Иншалла», «Праздную, естественно, раз я верю в Аллаха!!!». Однако когда дело касается такой важной ритуальной практики ислама, как соблюдение поста во время Уразы, ответы оказываются более дифференцированными. 31 (21,7 %) респондентов – не соблюдает, 90 (63 %) – соблюдает, 8 (5,6 %) респондентов написали, что соблюдают пост иногда («соблюдаю, но не каждый год», «пытаюсь соблюдать», «стараюсь» и т. п.).

119 (83 %) студентов считают Иисуса пророком, и это – весьма высокая доля по сравнению с той, которая наблюдалась в предыдущих исследованиях татар Среднего Поволжья [1, с. 108], согласно которым тот же ответ дали только 51,5 % респондентов, следуя, таким образом, за исламской традицией. Ещё 6 студентов КЧГУ назвали Иисуса Богом, что является влиянием православной культуры, 7 – исторической личностью, 3 – «Сыном Божьим». Таким образом, стоит отметить в целом более высокий уровень компетенции местной молодёжи в сфере исламской культуры, по сравнению, к примеру, с татарами Ульяновской области.

Схожее соотношение было продемонстрировано и в ответах на вопрос о вере в существование души. 118 (82,5 %) студентов верят в человеческую душу, 6 (4,1 %) – не верят. Таким образом, одной из современных тенденций в религиозной жизни Карачая, на наш взгляд, следует считать усиление позиций ислама, в том числе среди молодых людей [2, с.90].

Глубинные интервью подтверждают наше предположение: «Молодёжь старается руководствоваться исламом. Есть, однако, те, которые не понимают, что такое ислам, и следует ему, потому что это модно» [7].

К представителям «нового исламского движения» относятся та молодёжь, для которой ислам ассоциируется в меньшей степени с прошлым карачаевского народа, в большей же степени – с прямыми источниками мусульманской религии – Кораном, Сунной, проповедями имама, а также с соответствующими обрядами (шахада, намаз, никях). Среди новых мусульман выделяются два течения: 1) умеренные мусульмане (сунниты ханафитского мазхаба); 2) радикальные мусульмане (салафиты или ваххабиты).

Остерегаясь ярлыков, касаемо таких терминов, как ваххабизм и салафизм по отношению к карачаевской среде, выскажем предположение о наличии в Карачае представителей радикального течения ислама. Данные интервью показывают, что некоторая часть карачаевских студентов может придерживаться радикальных мусульманских взглядов. Из интервью: «Среди карачаевцев сейчас новое поколение, которое рьяно, фанатично ударились в религию, особенно среди молодёжи... Со многими молодыми людьми мне приходится беседовать, говорить. Единичные у нас случаи радикальных мусульман. 1200 студентов на

факультете, из них 5–6 человек – радикальные мусульмане; 1 – чеченец; 1 – из Дагестана (лак); 1 – ингуш, 3 – карачаевцы...» [8].

В материалах групповой дискуссии содержатся такие признаки радикальных течений ислама, как изоляционизм и активная прозелетистская политика, которые позволяют их сравнивать, в том числе с тоталитарными сектами: «Раньше карачаевцы были очень терпимы в религиозном отношении. Отец не навязывал религии, был верующий, намаз читал. Мой младший брат поинтересовался исламом, отец его научил, сам не навязывал. Ждал, когда сами созреют. Когда появились радикальные мусульмане, первая эмоция была у отца радостная: «Как хорошо, что стали намаз читать». Потом эмоция сменилась – пошёл конфликт. Сейчас эти новые секты появились, вовлекают людей, выступают против традиционного ислама. Они более активны. Добиваются определённых успехов. Хиджабы, например, не наша традиция. Девушка свободна была в одежде, женщины ходили в платке» [4].

По мнению членов групповой дискуссии, главной мишенью для радикальных мусульман стала несоциализированная молодёжь: «Зазывают туда, как правило, дезадаптантов. Все те лица, которые плохо учились в школе или были непризнанными в школе, оказались там» [4].

«Начало 90-х. Экономический распад. Радикалы стали объединять пацанов под видом спортивных сект, обучения арабскому языку. Дети стали молиться. Сначала радовались, главное не наркоманы. Затем они применили такой ход, что один мусульманин должен привезти четырёх. Так работают деструктивные секты: «Мы молодцы – мы вместе». Достигается как бы терапевтический эффект. Не знаю, насколько часто, есть такие примеры, молодые радикалы увлекают девчонок. К примеру, в одной семье были против того, чтобы девочка одевала хиджаб. Её бабушка легла на пол и говорит: «Только через мой труп ты туда пойдёшь». Девушка перешагнула и пошла» [4].

«Они [салафиты] подбирают молодёжь, с 12 лет, со школы. Например, у меня есть друг. У друга есть подруга. Два брата против двоих братьев. Одни, значит, на той вере, что от родителей от наших, дедов и прадедов идёт. Другие – ярые ваххабиты. Ходят замотанные. Но замотаться, это ещё не верить. Можно замотаться, и делать все [грехи]. Это началось лет 8 тому назад. Они уезжали в Дагестан, они уезжали в Чечню, года через два возвращались в Карачаевск, Учккен. Они искали своих друзей, искали молоденьких девушек, заманивали их. Начинали: «Вот Аллах так сказал». Слушай, думаю, ты хоть знаешь, кто такой Аллах» [8].

При этом нередко традиционные мусульмане оценивают подобные течения как однозначно радикальные и негативные: «В принципе, религия после советской власти, вера в

Бога дело каждого, каждый в религии свободен. Но многие не созрели для того, чтобы верить так. Они просто носят свою религию как модную одежду, это не вера. Один ушёл в мусульманскую школу, говорит: «Настолько я фанатично в это верю, настолько я определился в своей жизни, что я себя отдам этой вере». Когда с ними разговариваешь, они начинают, во-первых, очень нервно и навязывать на тебя это всё. Появились рьяные ваххабиты, которые натаскивают детей. Ломается ребёнок. Родители сюда тянут, он в другую сторону. В семье происходит раскол»[8].

В качестве главной причины разногласий между традиционными и новыми мусульманами, представленными в основном молодёжью, представительница умеренных, или как она себя сама называет «реальных верующих» региона, видит в традиционном у карачаевцев явлении – усложнении всех ключевых событий, таких как рождение, свадьба, похороны: «Даже если шариату противоречат некоторые стороны адата, его всё равно придерживаются. В этом тоже есть конфликт. В карачаевской традиционной свадьбе приняты подношения, подарки, обычно на крупную сумму, которые тягостно действует на бюджет. То же самое при похоронах. Реальный мусульманин пытается избавиться от наслоений, так как в исламе относительно свадьбы нет жёстких требований. Необходимы только махр, калым, свадебное пиршество. Реальные мусульмане – отщепенцы в обществе. Ситуация непонимания. Поколенческий вопрос» [5].

Дороговизна и сложность обрядовой практики похорон подчёркнута также другими карачаевцами. Порою «новый ислам», очищенный от родовых напластований, видится ими как мощный фактор для выхода республики из экономического и политического кризиса: «Многие тюркские народы сталкиваются с такими проблемами на постсоветском пространстве, когда многие традиции, обычаи, идущие от язычества, они во многом мешают нам адаптироваться и выйти на новые рубежи, в частности та же коррупция подпитывается старыми родовыми представлениями. Также свадьба, похороны. Похороны – странное сочетание и традиционных воззрений исламских и непонятно чего, бывает довольно затратной, что бьёт по карману необеспеченных семей, но чтобы не ударить в грязь лицом, они за это всё равно держатся. Ислам – это хороший инструмент, хороший рычаг, авторитет, чтобы взломать отжившую систему и вывести на новый уровень республику» [9].

Ответы на вопрос «Влияют ли души умерших на живых людей?» показали некоторую дифференциацию верующих: 89 студентов (62,2 %), отражая тем самым в целом мусульманскую трактовку, высказались в том плане, что душа умершего человека никак не влияет на людей. 35 студентов (24,5 %), следуя, по всей видимости, карачаевской и шире – тюркской традиции, склонились к ответу, что душа влияет на родственников умершего. 3

респондента утвердились в том мнении, что влияние это ощутимо на всех людях. Интересны также ответы, которые стоит назвать промежуточными:

1. Может влиять на людей в определённых случаях (когда возникают проблемы).
2. Влияет не всегда.
3. Влияет иногда.
4. Влияет на медиумов.
5. Думаю, оберегает «своих» чем-то.

Таким образом, 30,1 % студентов не отрицают влияние душ умерших на человека. Это весьма существенная доля, которая свидетельствует об определённом влиянии традиционного, синкретичного мировоззрения на молодёжь Карачая.

На наш взгляд, эти данные в частности подтверждаются верой части карачаевцев в потенциальное «общение» с умершими родственниками во сне. Например, ряд сновидческих интерпретаций связан с осознанием снов как помощи или новостей от близких, уже умерших родственников. Из интервью: «Когда у меня умерла мама, отцу приснился сон, в результате которого мы даже картину нарисовали, во сне как будто мама показывала, где она находится. Он у меня вообще сны не видит, не запоминает их. Он запомнил сон настолько ярко, что человек, умеющий рисовать, восстановил. Это тот самый рай. Лужайка, цветы, водоём. В тот момент мы подумали, что это такое послание нам, как будто рай есть. Насколько это правда, я не могу сказать. Я хочу верить, что моя мама в раю. А так я не знаю...» [6].

«Во сне иногда часто снится: душа мамы приходит, душа брата приходит, они говорят. Я его не вижу во сне. Ты знаешь, говорит: «Я как бы умер, но я живой. Не думай, что мы тебя не видим». Когда защищала кандидатскую, приходила ко мне душа брата. После смерти душа уходит в другой мир. В трудные минуты приходит, как бы подсказывает, что мне здесь выход будет, надо быть осторожной. Значит, что-то есть. А взять и отрицать тоже не могу» [8].

«После смерти человека душа никуда она не девается, просто остаётся в каком-то пространстве, особо влиять не может на людей, но, скажем так, всё-таки в исключительных случаях какую-то подсказку даёт или может дать. В виде помощи. Бывает... Часто люди в возрасте удивительным образом видят либо во сне, или им что-то представляется, к этому можно относиться по-разному, даже с материалистической точки зрения подойти, но в итоге какие-то параллели, не из области мистики, но что-то такое происходит. Подсказки, помощь» [9].

42 студента (29,4 %) совершают ежедневно молитву, 63 (44,1 %) студента не молятся совсем, 33 (23,1 %) – молятся иногда. Итак, самая низкая доля ответов в духе ортодоксального ислама зафиксирована на вопросы, которые касались непосредственной

обрядовой практики мусульман, а именно соблюдения поста во время месяца Рамадан (63 %) и ежедневной молитвы (29,4 %). Это в целом предсказуемый результат, который отмечался нами и при исследовании других тюрков-мусульман России.

Выделим ту группу студентов, которая отличается наибольшим усердием в плане соблюдения исламских столпов и обладает, по всей видимости, достаточно высоким уровнем компетенции в сфере исламской культуры. Оказалось, что респондентов, которые отнесли себя к верующим, считают Иисуса пророком, держат обязательный для мусульман пост, ежедневно совершают молитву и отмечают традиционные исламские праздники, насчитывается 21 человек (15 %) – это, безусловно, высокий показатель для возрастной группы, которая ещё во многом только стоит перед выбором жизненных ориентиров.

Итак, исламские представления весьма распространены среди карачаевской молодёжи. Причём они выходят за рамки чисто религиозной системы и распространяются среди населения наподобие своеобразной субкультуры, увеличивая число сторонников (не столько реальных, сколько номинальных). Тем не менее, следует говорить также о наличии в их мировоззрении элементов традиционных представлений, общих для всех тюркских народов.

Список литературы

1. Идиатуллов А.К. Духовная культура татар-мишарей Ульяновской области (в контексте проблемы религиозного синкретизма). – Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 172 с.
2. Идиатуллов А.К. Синкретичная религиозность тюрков-мусульман России (на примере поволжских татар, башкир и карачаевцев). – Ульяновск: УлГУ, 2013. – 142 с.
3. Койчугев А.Д. Ислам в Карачае: гомогенные и гетерогенные факторы // Исламоведение. – 2010. – № 3. – С. 60-66.
4. Стенограмма групповой дискуссии, 7 участников (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 05.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.
5. Стенограмма интервью с карачаевкой, 33 года (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 04.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.
6. Стенограмма интервью с карачаевкой, 40 лет (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 04.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.
7. Стенограмма интервью с карачаевкой 49 лет (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 04.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.
8. Стенограмма интервью с карачаевкой, 53 года (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 04.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.

9. Стенограмма интервью с карачаевцем, 37 лет (Карачаевск, Республика Карачаево-Черкесия, 03.06.2013) // Личный архив А. К. Идиатуллова.
10. Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей Кавказа. – Тифлис. – 1892. – Т. 14. – С. 59-212.
11. Шаманов И.И. Карачаевцы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1977. – 336 с.

Рецензенты:

Точёный Д.С., д.и.н., профессор, профессор кафедры истории отечества, регионоведения и международных отношений ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», г.Ульяновск.

Галимова Л.Н., д.и.н., доцент, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ФГБОУ ВПО «Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт)», г. Ульяновск.